

Е. А. Цыпанов. Грамматическая категория залога в коми глаголе, Сыктывкар 2002. 116 с.

Рецензируемая монография исходит из идей функциональной лингвистики, основой которых является описание морфологических категорий в динамическом плане, с учетом соотношений между формами и функциями.

Исследование проведено на обильном фактическом материале, насчитывающем 75 источников, которые представляют все наречия коми языка, обе его литературные формы и самые разные функциональные стили.

Монография состоит из четырех глав. Первая посвящена вопросам залога в финно-угроведении, в ней описана история залога в трудах исследователей коми языка. Автор отмечает, что в первых грамматиках XIX в. понудительный залог не выделялся как самостоятельная категория, поскольку он отсутствует в русском языке. В. И. Лыткин выделил его в качестве самостоятельной категории в работе «Понудительный залог в пермских языках» (ЗУдмНИИ, вып. 18, 1957), где «категория залога постулируется как выражающая различного рода отношения действия к субъекту и объекту» (с. 7).

В учебниках по современному коми языку для вузов (Современный коми язык, ч. I. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955; Г. В. Федюнева, Е. А. Цыпанов, Ашшоркысикасьяс коми кывйын, Сыктывкар 1992) речь идет о трех залогах: актив, каузатив, рефлексив. Е. П. Шеболкина в кандидатской диссертации о категории вида и залога в коми языке отдельные значения рефлексива с суффиксом *-сь(ы)* — пассива, медиа, реципрока, имперсонала, аффектива — обосновательно и произвольно возводит в ранг самостоятельных залогов и доводит число последних до восьми.

В этой же главе Е. А. Цыпанов дает оценку новейшим исследованиям залогов в финно-угорских языках: о пассиве в обско-угорских языках (U.-M. Kulonen, *The Passive in Ob-Ugrian*, Helsinki 1989), в котором исследователь, отой-

дя от канонического деривационного толкования природы залога, вводит материал обско-угорского пассива в контекст залоговых образований европейских и других языков (с. 16); о системности категорий залога удмуртского языка (В. К. Кельмаков, *Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте*. Препринт, Ижевск 2000). Характерную черту залогов коми глагола, по мысли Е. А. Цыпанова, составляет двузалоговость, реже трехзалоговость, когда в глагольной форме встречается два или три залоговых форманта. Он справедливо считает, что это явление требует дальнейшего исследования.

Вторая глава посвящена активному залого, в ней описывается валентность глаголов, подразделяются нуль-валентные, одно-, двух- и трехвалентные глаголы, анализируются случаи сходства по форме активных глаголов с каузативом и рефлексивом.

В третьей главе анализируется каузативный залог. В ней разъяснено, что понимается под терминами каузативный, транзитивный, понудительный. Автор уверен, что каузатив, выраженный в коми языке суффиксом *-öđ*, восходит к финно-угорскому языку-основе. В качестве доказательства он приводит суффиксы венгерского каузатива *-at*, *-et*: *a tanár levelet írja* 'учитель пишет письмо', *a tanár levelet íratja* 'учитель велит писать письмо'. На древность категории каузатива указывает несомненное материальное сходство историко-этимологических рефлексов суффикса каузатива в языках разных систем (с. 32). Каузативные глаголы коми языка автор книги делит на двуобъектно-двусубъектные, однообъектно-двусубъектные, безобъектно-двусубъектные. Е. А. Цыпанов с сожалением отмечает, что несмотря на свою экономичность и экспрессивность, каузативные глаголы в средствах массовой информации и беллетристике сильно уступают по употреблению глаголам в активе и рефлексиве, что объяс-

няется влиянием русской грамматики, где морфологический каузатив отсутствует.

Четвертая глава отведена рефлексиву. В первом разделе описаны формообразовательные аффиксы рефлексивного залога. Второй раздел освещает историю суффиксов рефлексива. Автор монографии придерживается точки зрения Б. А. Серебренникова на развитие медиального значения суффикса *-сь(ы)* из значения многократного действия. В третьем разделе описаны особенности дистрибуции рефлексивных глаголов. Выделяется пять наиболее общих формально-семантических признаков рефлексивного залога.

В четвертом разделе рассматривается семантика рефлексива. Автор удачно производит дескрипцию рефлексивов на основе вычленения основных грамматических сем, строящихся на базе различных актантных структур, затем выделяет разновидности значений на основе конкретной семантики референтов. Дескрипция проводится в линейности предполагаемого изменения, расширения семантической структуры рефлексивного залога в направлениях ослабления субъектного начала в словах-подлежащих и полной его дефокусировки (в имперсональном значении), до замены его на объектное (в пассивном значении) (с. 69).

Пятый раздел содержит описание медиального значения рефлексива, в котором выявлены десять семантических групп.

В шестом разделе разбирается рефлексивное значение залога. Автор отмечает, что в большинстве обобщающих трудов и коми грамматик данное значение признано базовым. В качестве основного значения рефлексивного залога его выделяют и в удмуртском, марийском, мордовских языках.

На основе референциального анализа Е. А. Цыпанов выявляет у рефлексивного значения два подзначения:

- 1) тотально-рефлексивное, когда действие субъекта логически переходит на него целиком: *дзэбсьыны* 'спрятаться';
- 2) парциально-рефлексивное, когда действие субъекта переходит на часть тела: *кõмасьны* 'обуться'.

В седьмом разделе рассмотрено реципрокное значение, называемое взаимным или взаимно-возвратным (с. 81)

Восьмой раздел посвящен имперсональному значению, основанному на рецессивной диатезе, которая более известна в практической грамматике как безличный пассив. Автор предполагает, что данное значение рефлексива сложилось под влиянием русского глагола, поскольку в родственных удмуртском и марийском языках данное значение отсутствует. В то же время он приводит примеры из коми диалектов, где имперсональные формы функционируют, зафиксированы глаголы безличного пассива и в коми беллетристике XIX в. Е. А. Цыпанов находит прямое соответствие коми имперсональному значению рефлексива в финском пассиве: *небõгъясин казътивсьõ — kirjoissa muistellaan* 'в книге упоминается'. Данные обстоятельства не позволяют однозначно толковать природу происхождения имперсонального значения рефлексива.

Автор книги выявляет у рассматриваемого значения, помимо выражения модальности и непроизвольности/немотивированности процесса со стороны носителя действия, момент результативности, законченности действия, а также семантический нюанс эвиденциальности, передаваемый в русском языке с помощью модального слова *оказывается*.

В девятом разделе второй главы подробно описывается пассивное значение рефлексива, основанного на диатезе, согласно которой первый актант претерпевает действие, производимое другим актантом. Автор монографии убежден, что в финно-угорских языках пассив — позднее явление и примеры из нормативных грамматик и диалектологических монографий типа *керкаяс стрõйтсьõны плõтникъясõн* 'дома строятся плотниками' являются буквальными лексико-грамматическими кальками с русского оригинала (с. 89). Е. А. Цыпанов совершенно справедливо отрицает утверждения некоторых зарубежных исследователей о том, что подобные примеры дают повод говорить о формировании в коми языке под влиянием русской грамматики страдательного спряжения в 3-м

лице (K. Rédei, Chrestomathia Syrjaenica, Budapest 1978). В подтверждение он приводит высказывания исследователей марийского языка И. С. Галкина и удмуртского языка Г. А. Ушакова о том, что как в марийском, так и в удмуртском языках страдательные конструкции встречаются исключительно редко и в большинстве случаев в текстах, созданных по аналогии с русским языком (с. 93).

Свое монографическое исследование Е. А. Цыпанов завершает на практической ноте: «Грамматическая категория залога в коми языке [---] имеет свойственные только ему идеоэтнические особенности. Материал залогов необходимо более углубленно изучать при преподавании коми языка в вузах и средних школах, учитывать при напи-

сании учебной и учебно-методической литературы, при разработке современных методик преподавания коми языка в национальных школах и в обучении коми как государственному языку».

Рецензируемая монография выполнена с привлечением богатейшего фактического материала, она опирается на новейшие исследования грамматической категории залога в родственных и генетически неродственных языковых группах. Работа Е. А. Цыпанова, несомненно, окажет положительное влияние на исследование других теоретических разделов грамматики коми и финно-угорских языков, на преподавание коми языка как в высших учебных заведениях, так и в средней школе.

ЕВГЕНИЙ ИГУШЕВ (Сыктывкар)